

Глава 8. Помогу распутать

Меч Тайи переплавят завтра — это решено.

Подвеску Инь-Ян нужно отыскать сегодня — это необходимо.

А что до города Фу? Когда его разрушат и что тогда делать?

Об этом Цю Бодэн подумает, когда стены начнут рушиться.

Жизненное кредо молодого господина Цю всегда укладывалось в простую истину: «Гуляй, пока гуляется, а завтра — хоть потоп». Скажи ему, что город падет через час, или даже весть о собственной кончине на рассвете — он бы и бровью не повел, продолжая заниматься своими делами. Кто-то назвал бы это непоколебимым спокойствием перед лицом катастрофы, но на деле это была обыкновенная, чистейшей воды беспечность.

Он набросал на клочке бумаги короткое: «Городу Фу грозит беда», велел отправить записку праведному даосу Сюаньцину, а сам, дождавшись глухой ночи, в компании Е Цана, Лу Цзина и Цзо Юэшэна отправился на вылазку — карабкаться на Божественное дерево Фу.

— Осторожнее.

Е Цан первым ступил на переплетения лиан, обвивающих исполинский ствол, и начал медленно подниматься.

— На кору не наступать, идите строго за мной по муло.

Е Цан возглавлял процессию, за ним следовал Лу Цзин, Цю Бодэн замыкал шествие, а Цзо Юэшэна втиснули в середину. Это было стратегическое решение: вздумай толстяк дезертировать, Цю Бодэн тут же остудил бы его пыл мечом.

Древнее дерево Фу стояло здесь, казалось, с самого сотворения мира. Его ствол занимал добрую четверть всей городской площади. Днем, глядя в центр города, можно было увидеть лишь лес серых исполинов, подпирающих серебристый небосвод кроны, но на самом деле всё это было одним-единственным деревом.

Цю Бодэн повернул голову.

Даже ночью листья Фу испускали мягкое серебристое сияние. Однако Е Цан вел их по основному стволу, скрытому за густой чащей воздушных корней, свисающих до самой земли. Свет сюда почти не проникал, лишь редкие лучи просачивались сверху, тонкими ручейками стекая по серой чешуе древней коры.

Здесь царил безмолвная, пугающая красота.

— Почему нельзя идти по стволу? — Лу Цзин красоты не замечал, ему было попросту жутко.

— На Божественном дереве живет полно птиц и змей, — огрызнулся Е Цан. — Сейчас тут тихо, но стоит тебе сделать шаг в сторону с лиан муло — и к утру ты превратишься в змеиный навоз. Гарантирую.

Лу Цзин вздрогнул и вцепился в лианы еще крепче.

— И это единственная причина? — внезапно спросил Цю Бодэн.

Е Цан на мгновение замолчал.

— Нет, — его голос стал тише. — Есть еще уговор.

— Какой еще уговор?

— Первые люди, пришедшие в город Фу, посадили у подножия муло. Когда лианы выросли, город был достроен. Первый оракул поднялся по ним на вершину и повязал первую ленту хвалы. С тех пор тысячи лет все жрецы и девы-жрицы поднимаются только по муло, чтобы петь гимны, вязать узлы и заботиться о древе.

— Тогда почему тебя... — Лу Цзин хотел было спросить, за что его вышвырнули из Ведомства городских оракулов, но Цзо Юэшэн за его спиной так больно ущипнул парня за бок, что тот поперхнулся словами.

— Ты знаешь одного человека? — перебил Цю Бодэн, вкратце описав юного оракула, которого видел утром у господина Лю. — Как его зовут?

Е Цан нахмурился, припоминая:

— Не знаю такого.

— Но ты же... — Лу Цзин снова открыл рот, и Цзо Юэшэн снова его ущипнул.

— Должно быть, это один из новых оракулов, которых старик набрал в этом году, — безразлично усмехнулся Е Цан. — Я за ними не следил.

— Жирный, хватит меня щипать! — взорвался Лу Цзин, оборачиваясь, но тут же задрожал всем телом. — Ты же говорил, что если идти по муло, птицы и змеи не проснутся? Тогда почему...

почему мне кажется, что на меня смотрят тысячи глаз?

— Что?! — лицо Е Цана мгновенно побледнело.

В то же мгновение воздух взорвался шумом бесчисленных крыльев. Тысячи птиц одновременно сорвались с мест, взмывая ввысь. Тонкие ручейки света на коре погасли, мир погрузился в абсолютную тьму, а на четверых смельчаков, замерших на огромной высоте, со всех сторон обрушился яростный вихрь.

Цю Бодэн резким движением выхватил меч из ножен.

— Не убивай их! — перекрывая хлопанье крыльев, закричал Е Цан. — На Божественном дереве нельзя проливать кровь!

Черные тени пикировали из темноты. Цю Бодэн крутанул кистью, перехватил клинок плашмя и нанес широкий круговой удар.

В прошлой жизни он перепробовал всё: метательные ножи, скрытые стрелы, бабочки-балисонги — всё, чем бредят горячие юношеские головы. Но к мечу он не прикасался никогда. И всё же сейчас казалось, будто знание этого оружия было впечатано в его кости, в самую суть его естества. Стоило ладони сжать рукоять, как это знание пробудилось. Серебристое сияние вспыхнуло перед ним, расплескавшись в темноте ярким лунным светом. Его алые одежды яростно захлопали на ветру.

Сверху, снизу, с боков — все атакующие птицы натывались на холодную сталь и отлетали прочь, сбитые точными ударами плашмя.

— Да почему?! — Цзо Юэшэн впереди отчаянно отмахивался руками. — Если мы их не перебьем, сами станем птичьим кормом!

Они шли слишком плотно, словно муравьи на одной ниточке. Лишь у Е Цана впереди и Цю Бодэна в хвосте было пространство для маневра. Цзо Юэшэну и Лу Цзину оставалось только закрываться руками — при их уровне мастерства попытка пустить в ход оружие закончилась бы тем, что они скорее изрубили бы друг друга, чем птиц.

— Рядом змеи! — Е Цан, прослуживший оракулом почти десять лет, мог ориентироваться на дереве с закрытыми глазами. — Хочешь, чтобы запах крови приманил сюда всех гадов из округи?!

— Мои волосы! Больно, больно!

Лу Цзин обладал самым высоким уровнем совершенствования среди них, и на стадии Укрепления души его ци должна была автоматически создавать защитный барьер. Но барьер

не мешал птичьим когтям запутываться в его волосах! В мгновение ока он вцепился себе в голову, оглашая окрестности воплями.

Цзо Юэшэн, будучи самым грузным, под напором птичьего потока не удержался на скользких лианах. Огромная птица размером в полчеловека ударила его крылом в лицо. Толстяк охнул и повалился вперед. Лу Цзин, всё еще сжимавший голову руками, почувствовал, будто ему в спину врезалась гора Тайшань. В глазах потемнело, он едва не выплюнул кровь и, пошатнувшись, «бумкнул» головой прямо в спину Е Цана.

Цю Бодэн услышал за спиной череду глухих ударов и падений. Разогнав остатки птиц вокруг себя, он обернулся.

Цзо Юэшэн, нелепо размахивая руками, сорвался с муло и с грохотом приземлился на выступающую ниже ветку. Удар был такой силы, что даже взбесившиеся птицы на миг замерли. Следом полетел Лу Цзин. Пока он был в воздухе, стая снова сомкнулась. Тщедушного по сравнению с толстяком Лу Цзина подбросило ударом крыльев, и он, словно тряпичная кукла, шлепнулся на верхний сук.

— А-а-а-а!

Лу Цзин зажмурился и вцепился в ветку мертвой хваткой, раскачиваясь над бездной, словно висельник.

Е Цан, увлеченный двумя идиотами, соскользнул на ствол и теперь отчаянно пытался поползти обратно до лиан. Совсем рядом с ним, в глубокой трещине коры, блеснула тусклая чешуя.

Змеи здесь действительно были. И они были огромны.

— Ничтожества! — рявкнул Цю Бодэн Лу Цзину и, спрыгнув с муло, бросился к Е Цану. — Твоя стадия Укрепления души тебе только для красоты дана?! Строй формацию!!!

— Формацию! Точно, формацию! — Лу Цзин в панике вскарабкался на ветку. — Какую?!

— Откуда мне знать!

Цю Бодэн прорубился сквозь птиц к Е Цану, схватил бедолагу за шиворот и одним рывком увлек за собой в прыжке.

В ту же секунду из дерева с леденящим свистом вырвалась чудовищная змея. Огромная пасть с темно-красными клыками распахнулась в сумраке, пытаясь сомкнуться на месте, где только что были Цю Бодэн и Е Цан. Е Цан успел разглядеть сырую плоть в глубине ее глотки. Острые клыки клацнули в пустоте, едва не задев его пятки. Тщательно подготовленная атака провалилась.

Цю Бодэн, удерживая в одной руке меч, а в другой — человека, уверенно приземлился на более высокую ветвь.

— Формацию Обуздания и Покорения! — взревел снизу Цзо Юэшэн.

У толстяка из носа хлестала кровь, но он уже вскочил на ноги и, лихорадочно роясь в сумке из горчичного семени, орал Лу Цзину:

— Быстрее! Мать твою, шевелись!

Змея, промахнувшись, молнией скользнула вниз по выступу коры, нацелившись на Лу Цзина. У того в голове стало пусто, все сложные жесты заклинаний вылетели из памяти. В последний миг, повинаясь инстинкту, он выхватил ту самую золотую сеть, которой днем накрывал Цзо Юэшэна, и швырнул ее прямо в пасть гадине.

Сеть, коснувшись цели, мгновенно стянулась. Раздался костяной хруст — челюсти змеи с силой захлопнулись, скованные золотыми нитями.

Чудом избежав смерти, Лу Цзин кубарем скатился с ветки и с воплем спрятался за спину Цзо Юэшэна. Толстяк наконец нащупал нужное и, увидев, что этот проклятый придурок притащил змею прямо к нему, едва не лишился чувств от страха. Не жалея ценностей, он швырнул вперед две Жемчужины, содержащие гром.

Грохот молний разорвал ночную тишину. Гигантская змея замерла, и в воздухе поплыл густой запах паленого мяса, смешанный с невыносимым смрадом.

Испуганные громом птицы, до этого яростно атаковавшие их, в панике разлетелись.

— Тьфу! Сожрать меня хотела?! Подавишься!

Одежда на Цзо Юэшэне превратилась в лохмотья, но он, торжествуя, уже выхватил нож для свежевания.

Лу Цзин, всё еще бледный как полотно, осторожно выглянул из-за его плеча.

Е Цан спрыгнул вниз и бросился к туше змеи. Он выглядел совершенно раздавленным.

— Как же так... Этого не может быть.

Цю Бодэн тоже спустился.

Стоило ему подойти поближе, чтобы рассмотреть поверженного гада, как Цзо Юэшэн ловким движением вспорол змее брюхо. Бог знает, чем питалась эта тварь, но вонь от нее исходила такая, что запах мертвечины показался бы благовонием. Для обостренного нюха Цю Бодэна это было равносильно взрыву ядовитого облака.

— Жирный! Клянусь, когда вернемся, тебе конец!

Цю Бодэна, который только что хладнокровно отбивался от стаи и уходил из-под носа у змеи, едва не вывернуло наизнанку от одного этого запаха. Он «взлетел» на самую высокую ветку с наветренной стороны и, прижав руку к животу, добрых полчаса пытался прийти в себя.

Сила Жемчужин грома еще вибрировала в воздухе, и вокруг воцарилась тишина — ни птицы, ни змеи больше не решались приближаться.

Цю Бодэн прислонился к стволу, положив меч на колени. Он решил немного передохнуть, заодно приглядывая за окрестностями.

— Разве на муло не должно быть безопасно? — спросил Лу Цзин, присаживаясь рядом с тушей.

— Должно, — Е Цан в отчаянии ерошил волосы, не в силах найти объяснение.

Цю Бодэн нахмурился. Он вспомнил А Жэнь.

Е Цан, преданный Ведомству оракулов до мозга костей, изгнан. Избранная небом дева-жрица А Жэнь одержима теневой марионеткой... Неужели всё это — лишь череда совпадений?

Мысль мелькнула и исчезла. Совпадение или нет — ему было плевать. Если Меч Тайи привел его сюда в надежде, что он станет героем и спасет мир, то клинок явно ошибся адресом.

Он — обыкновенный повеса и бездельник. Его цель — вино и праздность.

Какое ему дело до того, погибнут ли здесь сотни тысяч людей?

Он повернул голову, раздвинул серебристые листья и увидел, как в стороне восточной улицы начинают собираться огни факелов. Они медленно, но верно двигались в сторону дерева.

— Господа, кажется, на нас открывают охоту, — лениво произнес он.

— Что?!

Цзо Юэшэн, собиравшийся было разделать змею до конца, мгновенно подскочил.

— Нужно спрятаться. Дерево огромное, сразу нас не найдут.

Цю Бодэн отпустил ветку и хотел было подняться, но тут же болезненно охнул.

— ...Ну что за невезение.

— Уходим, скорее! — Цзо Юэшэн наспех выломал два ядовитых клыка и, заметив, что Цю Бодэн всё еще сидит на ветке, занервничал. — Молодой господин Цю, чего вы ждете?!

— Погоди, волосы запутались!

Цю Бодэн раздраженно огрызнулся. Он прижался затылком к ветке и начал судорожно шарить руками, пытаясь высвободить пряди.

Цзо Юэшэн замер.

Вспомнив ту «художественную» стрижку, которую Цю Бодэн устроил себе сам, он почувствовал недоброе.

— Молодой господин Цю! Не надо! Только не пытайтесь распутать сами!

Толстяк в панике бросился к нему:

— Я помогу! Я сейчас!

— Пшел вон!

Цю Бодэн увидел его руки, перепачканные змеиной слизью, и лицо его перекопилось от ужаса.

— Только попробуй подойти — прирежу!

— Сзади! Берегись! — закричал снизу Е Цан.

Ветка хрустнула, листья посыпались градом. Мощный поток воздуха, словно невидимый водопад, обрушился сверху, и серая тень в мгновение ока оказалась над головой Цю Бодэна. Огромные крылья раскрылись, накрывая юношу густой тенью — это была серая птица, стремительная, как молния! Она пронеслась сквозь преграды, выставив вперед когти, целясь прямо в алые одежды застрявшего юноши.

Е Цан в ужасе зажмурился.

— Запрет.

Внезапно раздался чистый, властный голос.

Серая птица, обломки веток, листья и даже Меч Тайи, начавший было выходить из ножен... всё замерло в воздухе.

Когда прозвучал этот возглас, говоривший был еще далеко, но стоило эху затихнуть, как он, держа в руке фонарь, уже стоял на ветке рядом с Цю Бодэном.

Снежно-голубое жреческое одеяние. Тот самый юный оракул, что был утром в доме Лю.

Цю Бодэн, всё еще сражавшийся со своими волосами, поднял взгляд:

— Ты?

Юноша-оракул с фонарем в руке направился к нему.

Внизу Цзо Юэшэн замер, попятился к остальным и, пихнув Лу Цзина локтем, прошептал:

— Нам конец!

— А что делают с теми, кого поймали на месте преступления? — шепотом спросил Лу Цзин у Е Цана.

— Вяжут и бросают в темницу, а во время жертвоприношения... — Е Цан выразительно провел ладонью по горлу.

Цю Бодэн, обладавший острым слухом, услышал этот бред и одарил троицу взглядом, полным холодного презрения. Те лишь развели руками и послушно выстроились в ряд на ветке. У них хватило ума понять: если этот юнец одним словом заставил птицу застыть в воздухе, бежать бесполезно.

В каком-то смысле тот факт, что жирный Цзо до сих пор не был убит, имел под собой веские основания — инстинкт самосохранения у него работал отменно.

— Казнить или миловать будешь потом, — бросил Цю Бодэн, не обращая внимания на троицу внизу. Он снова опустил голову, продолжая воевать с веткой. — Сейчас я занят.

Бумажный фонарь был аккуратно закреплен на соседнем суку. Послышался тихий шорох ткани — юноша в снежно-голубом одеянии опустил на одно колено рядом с Цю Бодэном. Он

протянул руку и обхватил запястье Цю. Хватка была крепкой, но не грубой; пальцы легли на холодный браслет с драконом Куй, слегка вдавливаясь в кожу — властно, но с явным усилием сдерживать эту силу.

Трое внизу синхронно разинули рты.

Цю Бодэн медленно поднял веки.

Фонарь был обтянут изящной бумагой сюань, на которой тушью были набросаны горные пики, уходящие в туман. Свет свечи пробивался изнутри, отбрасывая тени гор и вод на лицо юного оракула, скользя по скулам и отражаясь в его глазах.

— Не двигайся, — негромко произнес оракул и добавил еще тише: — Сейчас всё исправлю.

<http://bllate.org/book/16967/1582184>